

Иван Щербаков

П Е Ч Ъ

"Где теперь крикуны и печальники?
Отшумели и сгинули смолоду...
А молчальники вышли в начальники,
Потому что молчание - золото".

А.Галич

В этом рассказе нет ни одной выдуманной строчки - ведь жизнь, особенно в конце сороковых, была у многих фантастичнее, чем в самом невероятном детективе. Фамилии и имена тех, кого помни, - не изменины. Чуть это будет памятью о невинно репрессированных и о том, что им пришлось пережить. А рассказ от первого лица, как кажется, поможет легче вникнуть в душу КАЖДОГО...

Лето 1949 года. Пересыльный лагерь под Псковом.

... Печь возвышалась перед нами метров на шесть и было что-то зловещее в ее облике. Казалось, она поджидала нас, следя черными просмами потухших тонок. Три дня и три ночи бушевал в печи огонь, поглощая кубометры березовых дров, обращая тяжелый камень в то, что боится влаги. Меня это поражало и чудилось нечто потустороннее... Теперь нам предстояло выгружать этот известняк, превратившийся в жгучую известь, одно прикосновение к которой влажной рукой способно вызвать незаживающие скожи. В жертву приносят нас "Пятьдесят восьмую" и "штрафников". Местный царек, начальник лагеря "Овсище-23" майор Дурье заявил: "Я вас заживо сгною".

Мы - это два друга-эстонца, иссаженные, говорили, за то, что распространяли листовки, - 17-летний Йизу, прозванный Дусей за розовые щеки и застенчивость, 22-летний Комиапу, тихий и молчаливый, третий - Коля Орешенков - 20 лет, голубоглазый весельчак и баланур. Ему "прилепили" десятику: не понравились кому-то его частушки; четвертый - Федор Иванович Викс, латгалец, неожелавший расстаться с хутром и идти в колхоз - 33 лет: я - 23-летний "писатель", упрытанный за антиколхозные дневники, и шестой, самый старый среди нас - ему уже за сорок,-

Адамович, - бывший совхозный бухгалтер, что-то там сгоряча на-
говорил он своему директору. - и вот - среди нас. Это наше звено.

А всех звеньев - пять, по шесть человек в каждом. Тридцать "штрафников-болтунов", да три "придурка": горлопан-бригадир, его помощник и повар. Как раз столько, чтобы натиснуть как сардин в старый "ЗИС" с двумя конвоями у кабины, и проехать по тряской дороге в соседний с Искром карьер.

Мы разрабатываем карьер - снимаем землю, выламываем плиту (норма - восемь кубометров на человека в день), загружаем ее в печи, - здесь их пять, - и выгружаем. Здесь мы должны осознать все свои заблуждения, откинуть все сомнения относительно сталинской заботы о людях...

И сегодня "сосреда" наша печь.

По пологому холму, с задней стороны поднимаемся на печь. Обмазанная растрескавшейся глиной, она дышит, источая какой-то тревожный запах, и кажется, треснь ее ломом и хлынет из чрева раскаленная лава. Ох, подождать бы, пока остынет, да нельзя: ставшие иористыми плиты, схватывают влагу, едва температура понизится ниже пятидесяти, быстро превращаются в "пушенику" и тогда ее хлыть горстями греби - словно тончайший пух. А пска - время дорого, и бригадир кричит "давай-давай", и мы приlenmiş уже, что если страх, в лице начальства, зовет, то хоть в огонь и в воду.

И вот уже Орешенков, ловко и безбоязненно срудуя ломом, валамывает глину, за ним подключаются друзья-эстонцы, ну, и все мы грязные... Респираторы и очки стараемся, по возможности, не надевать, - от них сильнее потеет лицо и тогда ского не избежать. Главное, стремиться не слишком пылить и не сорить. Берешь плиту (сверху накиданы крупные) вместе с глиной на ней или кусками предыдущего слоя, и ссторожись, словно хрустальную, несешь к краю и уж там бесцеремонно швыряешь подальше. Под ней открываются следующие слои и видись, за что браться и что ухватить. Если все же рассыпется, то щели зибиваются, приходится пускать в дело лом или кирку, а это лишние силы, лишний пот, еще больше крошка, от которого уже не так легко избавиться. Всё приходит с опозданием, если, конечно, не сгоришь в первый же день, не нахваталась ядовитой пыли и не зайдешься кашлем с самого начала.

Поразительно, но был и второй день и третий... В этом бело-сером аду, в этом гигантском котле, наполненном негашенкой, куда, казалось, сунь руку и вытащишь одно мясо, люди выживали, как-то приспосабливались, прикрадывались, что-то придумывали...

Мы погружались в преисподнюю... Медленно и верно. Вот уже одни головы видны над краем и не видно ничего вокруг, - одни сине-зеленые сплавленные стены, облицованные огнеупоркой, да штабеля наваленной плиты. Все жарче под ногами, - не устоять даже в наших "ЧТЗ" - уродливых лаптях, сшитых из автомобильных покрышек. Штопанные-перештопанные рукавицы через час превращаются в лохмотья, но по зоне и на свалке мы насобирали их много, кое-как зашили, - закрутили проволокой (ниток не всегда хватало и иголку не найти) - есть запас. Да уж и руки сами стали как испаны, заскорузли и отвердели, ничего их не берет. Главное первые часы. Нас загнали в это пекло, думали уже через неделю самих понесут на носилках, а мы все еще живы, ѿсги на теле зарубцевались, даже и извесь их не берет, а горло стало медным, - сами поражались, чем это мы дышим и как дышим вообще. Но это всё потом...

А сначала было кутко. Моментально забились ноздри и зажпало, закгло, словно хлебнул носом щелочи. Приоткрыл рот - сразу стало вязко и до тонкоты сладковато, закружилась голова. Вкус известки - не каждому дано стведать. А только избранным, - тем, кому хотят навсегда заткнуть рот. Но приводило в себя нестерпимое жжение, все более охватывающее тело: сначала за воротом, потом - подмышками, далее - пояснича, спина, - кажется, не одежда на тебе, а нахачная бумага, и малейшее движение причиняет нестерпимую боль. И с этой болью, и с этой безыходностью, и с этим отчаянием, всё более охватывала яростная мысль: "За что? За что? За что?..."

Адамович первый не выдергивает, - лихорадочно натягивает очки, респиратор, закутывает тряпками голову. "Что ты делаешь! - кричит, - задохнешься, пропадешь, сгоришь!" Но он не слышит и продолжает вырвать плиту то вверх, а то и в бок, - ему уже всё равно. И мы молча продолжаем свое, - лишнее слово здесь - лишний ком слышнейшей известки в глотке... Кончалу вгрызается в угол, как будто это дело всей его жизни, и когда взмахивает руками, замуруивается, словно плача. Рядом с ним Эйзу - не рово-

заштукатуренный кирпич, а нечто серое и бесформенное, с трудом разгибающееся, как от непомерной тяжести. В другом углу - я... фантастические фигуры, фантастическая картина. Пекло под ногами и жгучая завеса вокруг. Огромные "лапти" на ногах, комья трикотажа - "рукавицы" - на руках, какие-то немыслимые шапки на головах, старые, рваные зеленые английские шинели на плечах... Кто искал вас так, люди? Мы уже и сами стали неотличимы от плиты, от печной утробы, и уже сами стали легкими и горячими, - кажется, дунь ветерок и мы улетим вверх вместе с тучами известковой пыли. Но нет, ни единого движения воздуха здесь, на четырехметровой глубине, как нет, широчем, и самого воздуха.

Печь поглотила нас...

Наверху немного легче. Там Коля с Федором Ивановичем отбрасывают от края плиты, чтобы не валились они снова нам на голову, но там стоят те, у кого руки больные, это уж мы так в звене перешли. Да и там все те же клубы извести, разве что ветерок обдувает... И надо успеть, и увернуться от летящих снизу плит...

...Рву плиту из-под ног, разу плиту. Еще могу согнуться, еще целы, не сожжены бока, еще пальцы, задыхенные трикотажом, цели, и во рту еще не запеклась кровька с кровью. Еще глаза что-то видят и мысль работает. Главное сейчас, прорваться вниз, как можно глубже. А там уже в бок легче, хотя и кидать выше. Наклон-разгиб-бросок, наклон-разгиб-бросок, наклон-разгиб-бросок. Прищуренным, на миг открытым глазом, выматриваю, где бы что ухватить, вывернуть, вырвать. Но уже почти одна мелочь под ногами. Проклятое месиво! Проклятая известь! Нет ей конца. Над нами четыре метра. И два под нами. И каждый сантиметр - это пот и кровь.

Да хоть бы загнали нас на лесоповал, - там воздух, да хоть бы заслали в шахту, - там не жгет всё вокруг. Да хоть бы и самого Лурье и всех, кто стоит за ним, - сюда, в это пекло... Лихорадочные мысли, лихорадочные движения. Но нет, надо спокойнее... Был в психоз - и пропал. Аккуратней, аккуратней... О Боже! Дай нам духа и спокойствия... И не введи нас во искушение... Вот торчит огромный кремовый угол. Не повредить бы, вытащить целым: отломается, тогда замучаемся, - замат, не

поддается. Поддеваю ломом - идет! Еще немного приналечь - выверну! Огромная плитина, а легкая. Однако не вырнешь на 4 метра, - слишком громоздка. Дроблю ее киркой и по кускам отправляю Орешенкову. Место освободилось и уже легче оторвалась следующая такая же. И еще, и еще. Сразу углубился на пол-метра, даже Киннапу с Эйзу обогнал. А под ногами - новый ряд и тоже все ребром. Постой-постой, да это никак уже своды пошли? Точно! Это сини. Это их выкладывали старательно вольняшки, словно амбразуры средневекового замка: не дай Господь всё обвалится, тогда вытаскивай всё снова. Поэтому-то так всё подогнано, потому и не оторвешь. Здесь под ними полыхало пламя и плита еще особенно горяча. Но именно там сейчас свобода из плена. И воздух. И прохлада. С удвоенной силой заработал ломом и киркой. Но словно тысяча горчичников прилипла к телу - увлекся, вспотел! И вот уже известия гасятся прямо на теле, - как будто кожу одирают живьем... Но не сдаваться, не сдаваться!

Адамович, тяжело дыша, остановился. Сорвал, отбросил очки - вроде и не снимал: на лице остался кровавый обод. Отодрал респиратор - сплошная рана вместо рта. Всё быстро покрывается известью - кажется слышно, как закипает кровь... Отвернувшись в угол, в плиту, заходится кашлем, харкает кровью... Не сдаваться, не сдаваться! Выдержать бой с Печью - она наш главный сейчас враг. Молча стоим, молча смотрим, давая передышку ему и тебе. Предлагаем по веревкам выбраться наружу, но Адамович не хочет оставлять нас здесь одних, щокидать поле битвы. Он лучше постоит в углу.

С утраченной яростью мы продолжаем рвать и крушить эту сорву смерти. Мелькают плиты, руки, искаженные лицами лица. Кирку и лом почти не выпускаем из рук. Сгиб-разгиб-бросок, сгиб-разгиб-бросок - до сознания, до цветных кругов в глазах. Не останавливаешься - не останавливаешься! Стучит кровь в висках, стучит кирка, стучит мысль: "кто-придумал-этот-ад-кто-придумал-этот-ад-кто-придумал-этот-ад". Нет воздуха, нет света, нет выхода. Но зажмурить глаза и не дышать, чтобы выжить... Быть, вопреки всем законам физики и химии, вопреки всему "гуманизму перевоспитанию трудом", вопреки тем, кто воздвиг эту Печь и загнал нас туда... Мы копошимся в жуткой пастбище.

Вдруг лом ушел в глубину и скрылся, звякнув о каменный

пол. Стали проваливаться сдна за другой плиты свода, а за ними мелочь и крошка, обнажая неразобранные еще кучи извести. Стало вроде светлее — задувший ветерок унес завесу наверх и исчезло бесовское наваждение. Стало как-то спокойнее — появился выход и надежда. Киннули с Эйзу приняться разбирать завалы плиты, стараясь как можно больше выкинуть вверх, чтобы не завалить толки прежде времени. Снизу, слышим, пробиваются к нам Орешенков с Биксом, хоть сосновыми лопатами получается у них не очень, но все же помочь. То, что можно было достать прямо из топок выгребали лопатами, а затем с искривленными пролезали внутрь, грузили остатки на них и, согнувшись в три погибели, выбирались наружу, оттаскивая "готовую продукцию" в общую кучу. И сткуда что берется — куда-то и жжение пропало — новая шкура отросла, что ли? Адамович перестал плеваться, а Дуся-Эйзу из неопределенной массы тряпья снова стал превращаться в невысокого, несколько неуклюжего парня.

И Печь не казалась уже адом: пустая, поблескивая на солнце сине-зелеными глянцевитыми плоскостями, она была даже красива, чем-то напоминая постройки древней Бухары. По квадрату неизвестно сколько белые облака.

Наступил момент, когда нагрузили последние искривленные пролезали из топок, как потерпевшие бедствие, как спасенные из завала, и сами удивлялись, глядя на горы извести вокруг: неужели это все мы? Какое богатство, какая производительность! Нет, не правы те, кто считает рабский труд бесполезным!

И хотя позже горы эти большей частью превращались в пушину и рассыпались в прах (вывозили-то извести не очень, — то ли вольнснаемых не хватало, то ли вообще нешибко в ней нуждалось), но было у нас подлецкое чувство чего-то достигнутого, преодоленного...

Серые, довольные и безликие поднялись мы наверх, на солнце к ветерок. Осторожно и с наслаждением раскутывались от опостиевшего и пропыленного тряпья, встряхивали свои изумрудно-зеленые заграничные шимели, — ведь нам еще спать с ними и укрываться, — стаскивали "нижнее белье", —то есть, превратившиеся в дохмотья от извести и пота гимнастерки и тельняшки, — завтра

выдадут "новые", латанные-залатанные, но без дыр. Снимать надо было осторожно, — как будто кожу сдирали с себя. Приваренная, прищекшаяся ткань не хотела расставаться с телом, а расставаясь, причиняла острую боль. Мы стаскивали с себя чуни вместе с пальцами ног и рукавицы — с пальцами рук. Мы сидели на ветру живые и обнаженные, удивляясь, что есть еще синее небо, зеленая трава, какие-то иные цвета, кроме серого. И старались не смотреть друг на друга. Чтобы не стразились в глазах жалость и ужас.

У Дуси-Эйзу обе щеки стали еще ярче — разъело их почти до крови, но ведь румянец так молодости к лицу! Адамович сидел с разрисованным лицом и казалось, что собирается си выйти на арену цирка, чтобы сыграть последнюю в своей жизни роль. Орешенков достал кусочек зеркала (оно у него всегда с собой) и замазывал ободранный лоб кремом. У Бикса пострадали почему-то больше всего уши, а у меня вся спина. Только у Кюннаду порозовели одни лишь плечи, — видно, к костям не очень-то пристает. Мы все вышли из боя. Мы победили Печь...

Склонялось солнце к закату. Сейчас пойдем немного пропремся влажными тряпками (водой, а тем более с мылом — нельзя, разъест и то, что уцелело). Нсвар там оставил нам баланды и размазни из ржаной муки, — мы ведь вкалывали без обеда; и еще успеем немного полежать на траве. До шести часов еще час! А там съем с карьеров, построение, перекличка, пересчет. И "домой", чтобы завтра в восемь быть уже здесь. Нам предстоит выбирать новый участок, — да чтобы плита была не очень толстой и не очень тонкой, и земли над ней не так много, — снимать слой, ломать плиту кувалдами и клиньями, сдавать свои "кубометры" прорабу, снова загружать в Печь... Но это потом...

На вечернем фоне неба четко вычертывались силуэты вышек...

oooooooooooooooooooo